

РУССКИЙ ПАТРИОТИЗМ

Всякий живущий на земле человек существует как бы в двух планах: в современной ему окружающей жизни, и в историческом времени, которое состоит из национальных обычаев и преданий, из семейных воспоминаний и писанной истории своего народа (и вообще истории!). И вот эта самая историческая память и делает человека человеком, отличает его от всех прочих живых существ на земле.

Без "корней", без патриотизма нет народа, но только подверженная мгновенным, часто подсознательным вспышкам то восторга, то ненависти толпа. Родины не имеют рабы, и все наскоки на патриотизм собственно ту цель и преследуют: превратить нас из народа, из граждан в рабов.

Мы росли под ливнем космополитических идей, обрушивавших на наши головы одно и то же утверждение: патриотизм устарел (особенно русский!) и является тормозом прогресса, вскоре все национальные различия отомрут, и станет мир "без России, без Латвий" "единым человеческим общежитием".

Ливень сей, оказывался столь плотен, что сквозь него с трудом можно было разглядеть, что в реальном мире все происходит с точностью до наоборот. Образуются все новые национальные государства, исчезают, получая независимость, колонии, возрождаются национальные культуры, и толпы туристов жадно едут за тридевять земель посмотреть величественные остатки древних цивилизаций. Почему-то единый стандарт современной "массовой культуры" и архитектуры коробок решительно никого не интересует! Поневоле приходишь к выводу, что тут явно что-то не так, что дело не чисто, и за криками о едином человечестве прячется идея диктата избранной нации "избранного народа" или группы народов – "золотого миллиарда", - над всеми прочими.

Мы – прочие. А потому давайте определимся.

Люди XX века пребывают в фантастическом мире перевернутых идеологических систем, спутанных понятий, ложных терминов, часто обозначающих прямо противоположное тому, что сказано.

В мире было все. Но такой эпохи всеобщего вранья еще, кажется, не было. Не будем растекаться мыслию по древу, ибо тогда надобно говорить решительно обо

всем, от религии до политики. Остановимся на одном только понятии патриотизма, а именно русском, некогда решительно проклятом и объявлявшемся "великорусским шовинизмом", то, что так же, как естественное желание сербов жить и оставаться в живых объявляется ныне "великосербским гегемонизмом".

Патрио – отечество. Помните лозунг Долорес Ибаррури: "Патрио о му эрте"? Он переводился: свобода или смерть, хотя сказанное правильнее переводить: "родина или смерть". Патер – отец. "Земля отцов" – родина. Русское "Родина" происходит от тех же понятий: род, родня, родные, предки. Кто-то из англичан сказал еще, что родина это "земля и могилы предков".

Да, именно! Земля, но и не только могилы! Но память, памятники искусства прошлого (вдумайтесь в слово памят-ник!), обряды и обычаи старины, традиции... Наконец то, что Л.Н.Гумилев назвал емким понятием: "поведенческий стереотип".

Устарел ли патриотизм, как ныне (и уже давно!) глаголют разноликие представители "малого народа", люди, способные и готовые жить в любой стране, "где колбаса дешевле", а точнее – где можно выгоднее устроиться. Собственно подобные люди – космополиты, "граждане мира", - не вчера родились. Для них некогда существовало понятие "вечного жида", вечного странника, вечного чужака среди других народов, прикрепленных к земле, к территории своего обитания и к своей истории, к традициям и обычаям предков. И то нечеловеческое и нечеловечески яростное истребление русского крестьянства в прошедшие десятилетия не есть ли способ расправы с теми, для кого понятием родины покрывается вся их жизнь? Расправы с теми, кого уже в XIX веке преимущественно и считали "народом", отлично понимая, что без него, без этого "низа", без подпирающей базы, и "верхняя" культура перестанет существовать, точнее и нужной быть кому бы то ни было перестанет?

Устарел ли патриотизм? Этот вопрос упирается в другой: устарело ли понятие народа, родины, или скоро все люди сольются в одноликое человечество, чтобы "без России, без Латвий жить единым человечьим общежитьем"?

Кстати, говорится это в мире, где с понятием патриотизма заигрывают буквально все, где даже готовящуюся гибель иного народа комифлируют псевдопатриотическими лозунгами! И сам развал СССР утверждался под лозунгом разрушения "тюрьмы народов"!

Тут, конечно, кроме "вражеских диверсий" (как же без них?!) действует психология жителя большого города, для которого и природа и страна превращаются

во что-то, что можно увидеть во время отпуска из окна вагона, проезжая в Крым или (еще лучше!) в турецкую Анталию. И у него, бедненького, разумеется "крыша поехала": так бы, вот, и жить! Катаясь на Багамы или на Кипр. А кто зарабатывает (реально зарабатывает!) на эти Багамы, и сколько душ могут себе позволить туда за чужой счет поехать, это его "не колышет". Как, в общем, не колыхало и русских бар, устремлявшихся в Париж, Ниццу, Карлсбад, Баден-Баден и проматывавших в Монте Карло деньги своих крестьян, доходы с подмосковных, орловских, тульских, рязанских и калужских деревень. Ну, и тут как же не повторить сакраментальное: "без России, без Латвий"... Конечно, не попадая в Чечню! А то там как раз латышские снайперши, того и гляди, и подстрелят (им платят с убитой русской головы) и тогда уже какие там Багамы! Скорее придется петь: "И никто не узнает, где могилка моя"...

После трудов Л.Н.Гумилева, убедительно доказавшего, что этнос – природное явление, что различия этносов обязаны различию природных сред и разному способу адаптации в природном ландшафте, а также, что у каждого этноса есть строго определенный срок жизни, и бессмертие человечества целиком обязано постоянно возобновляемому появлению новых (разнообразных) этносов, - после всего этого пора бы бросить космополитический треп и понять, что явление патриотизма не может устареть никогда.

Чем русский патриотизм отличен от многих других? Вернее, чем он своеобразен?

Нет, мы никогда серьезно не считали себя пупом земли, не считали, что мы лучше других и не предлагали, как Запад и современная Америка, свой тип цивилизации эталоном для прочего мира. Идея "Москва – третий Рим" отнюдь не использовалась нами как мессианская. Мы и в православие никого не загоняли насильно, как сказано в "Песне о Роланде" : "Сто тысяч мавров были крещены, кто не хотел креститься – перебиты". Принцип насилия, принятый католиками, нам был чужд. Мы предпочитали не подавлять, а сживаться.

Но что мы "иные" – это мы чувствовали всегда. Мы и были иными, не такими, как нации Запада, но и не такими, как народы Востока. И различные беды и неурядица наши начались не ранее, чем мы, после Петра I, вообразили, что мы – одна из Западно-европейских стран. Надо только себя самих причесать и подработать под Запад. И вся история России последних трех столетий как раз и состоит в этом периодическом "причесывании" (в перерывах между действительно нужным и

благотворным переустройством страны), в результате которого мы потеряли столько человеческих жизней, сколько не потеряли за две предыдущие тысячи лет, и понесли такие сверх-издержки в строительстве государства, на которые десять Петербургов можно было бы возвести, ежели подходить к делу с большею национальной мудростью. А ныне, по той же причине, уже поставили под вопрос само существование русской нации.

Что мы должны понять?

Что мы, - да!, - великая нация и иной быть не можем, ибо мы - центр целой суперэтнической системы под названием Великая Россия.

Что русские, именно поэтому, никогда не были шовинистами, не болели болезнью национальной исключительности, могли воспринимать представителей других наций равными себе. Отсюда русское добродушие, незатрудненность в перекрестных браках, особый характер гостеприимства, при котором иностранцу-гостю оказывается особый почет.

Хотя и то заметим, что каждое национальное свойство при определенных условиях может иметь как положительный, так и отрицательный вариант. "Широта" русского человека, его постоянное ощущение себя центром малой вселенной, обязанным помогать "малым сим", очень легко могла быть и была в эпоху надлома использована и в сторону презрения или безразличия собственно к России, и еще в XIX столетии к развитию "западничества". "За морями земли великия", "Ведь немцы тароваты, им ведом мрак и свет" – как полунасмешливо писал А.К.Толстой в "Русской истории от Гостомысла". Отсюда и последующие споры о призвании варягов, с подтекстом "русской неполноценности". Характерно высказывание Горького о русском государстве, якобы созданном руками урядников и немцев к удивлению всех русских мыслящих людей. И та же идея в ходе революции трансформировалась в необходимость помощи разным, как писал Платонов "разукрашенным народам", заботы о бедных неграх, которые где-то там голодают, и проч. Заботы, за которыми как-то позывывался собственный голодающий народ.

Мы – страна земледельческая, и русскому только дай участок земли, уж сад и огород он заведет непременно.

Мы – страна, по условиям континентального климата, редко населенная, и русский человек без охоты, рыбалки, походов в лес за грибами и ягодами, без общения с так называемой "дикой" природой не может жить.

Может быть с этим же свойством "жить среди дикой природы" связано русское нежелание вмешиваться в природный процесс: заводить регулярные стриженные парки, чистить леса, так или иначе "выпрямлять" природу. Правда, другим концом то же свойство приводит русского человека и к известному небрежению природой. Он легко (тем паче, с чужой подначки) вырубает лес, оставляя гнить сотни тысяч кубов древесины, легко захламляет свалками землю и водоемы, и проч. Это именно национальное свойство, которое, наводя порядок в стране, труднее всего будет выкорчевать.

Нам веками приходилось укладываться в сжатые сроки земледельческих работ. Летом наши крестьяне почти не спали. И потому выработалась в русских способность к сверхусилию, способность в тяжелый час как бы собираться в кулак, выказывая неожиданную для противника выносливость, упорство и твердость отпора.

Россия всегда была окружена врагами. На ее территорию, не защищенную никакими природными преградами, постоянно накатывали волны завоевателей. В этих условиях нация могла уцелеть только в одном случае – выработав в себе идеал жертвенности. Судьба государства всегда была для нас выше судьбы отдельной личности. И поэтому нынешнее западное устремление к защите прав человека в первую голову, нам поневоле чуждо. Кстати, и на Западе оно очень недавно родилось. Его не существовало во времена Рима или древней Греции, не было и в Средние века, и даже в эпоху Просвещения, когда считалось доблестью отдавать жизнь за идеалы государства.

Но и то скажем, что хотя вся наша история проходила в постоянных, чаще всего оборонительных, войнах, людей мы берегли, не могли не беречь, как редко населенная страна, и побеждали обычно врага, количественно превосходящего нас, меньшими силами. Положение, сменившееся лишь в сравнительно недавнее время и, в основном, уже в XX столетии, когда беречь ни солдат, ни мирных граждан, вовсе не стали. Отсюда ужасные потери первой мировой, еще большие гражданской и особенно страшные – Отечественной войны, что привело, в значительной степени, к порче генофонда и даже к вымиранию нации, хотя некоторые историки не перестают восхищаться тем, что "Россия никогда не считала своих потерь". Считала! Хотя и то считала, что, как писал Державин: "Брань колы восстает судьбою, сын россиянки среди бою со славой должен умереть".

По-видимому, именно готовность к постоянному отпору выработала в русском человеке известную грубоватость и драчливость. Боев "стенкой", деревня на деревню, не было, кажется, ни в одной другой стране.

Но и то свойство отметим русского человека, которое в древности помогло нам выстоять и заселить эту землю – взаимовыручка, соборность, умение собираться вместе в час беды, и вместе противостоять этой беде, на ту пору забывая о взаимных несогласиях и спорах. Дорогое свойство, ныне в значительной степени утраченное.

Мы страна, которая за немногие века "московской" истории (XV – XVII ст.) вобрала в себя всю Сибирь, протянулась аж до Тихого океана. И в характере русского человека укрепилось стремление к простору, к неизведанным рубежам, к "воле". Характерна многовековая мечта о некоем сказочном "Беловодье", где-то там, на путях не то в Индию, не то в Монголию или Тибет, на поиски которого устремлялись тысячи русичей.

И, соответственно, мы принципиально демократический народ, для которого понятие "воли" имело прямо-таки мистический смысл. Наше самодержавие всегда опиралось на местные демократические институты, а когда не опиралось, когда переходило в тиранию (опричнина Грозного, многие реформы Петра I, наконец, период большевистского правления), когда воля всего нескольких лиц, или даже одного лица, подавляла волю народа, то тогда и наступали все разрушительные беды со зряшным перенапряжением сил в начале, гибелью множества ни в чем не повинных людей, и грозным ослаблением власти в конце. Так, после тирании Грозного наступила польская интервенция, "Смутное время", а большевистский террор, приведший к страшным военным жертвам, окончился проигрышем в "холодной войне" и современным развалом державы... На Руси искони призыв имел большее значение, чем принуждение, и давал лучшие результаты.

Разумеется, как уже сказано, любое национальное свойство может проявляться как с положительным, так и с отрицательным знаком. Умение рождать Ломоносовых на другом конце оборачивается дилетантизмом, широта – неряшливостью, щедрость – воровством. Представление о величии и огромности страны – зряшную растратой природных ресурсов.

Но и при всем том, особый характер русского человека, с его размахом, добродушием, щедростью, выносливостью и удивительной талантливостью, далеко не лишней в мире. (Как, в сущности, не лишние и все прочие народы!) А ныне Россия, возможно, единственный гарант равновесия и, значит, мира в Евразии. Ибо

страшно даже помыслить, что начнется, ежели погибнет наша страна. Япония, Китай, ближневосточные государства – все кинутся в кровавую битву сперва за расчлененный труп России, а потом уже и за недостижимую гегемонию над миром, куда втянутся и Западная Европа и Штаты.

Что надо ответить нашим врагам, уверяющим, что Россия была тюрьмой народов, что все империи разваливаются, и пришел наш час, что мы – народ-захватчик и т.д.? Точнее – не врагам, те сами знают, что врут, и знают, зачем врут, а тем русским, которые, на горе себе, поддались этому провокационному вранью.

Так вот:

Россия никогда не была колониальной империей. Перечтите три признака колониального состояния по Марксу; в России они все отсутствуют. Была равная плата за равный труд, не было дискриминации в законах для представителей малых наций, как не было и преимуществ, послаблений для ведущей русской нации. Не запрещались ни национальные обычаи и обряды, ни местные религиозные культы. В Петербурге имелись храмы всех конфессий, существовавших в стране. Ну и существовала в XIX столетии, дабы всякий мог получить равное образование, "процентная норма", позволявшая учиться даже в высших учебных заведениях царской России всем "иностранцам", согласно проценту их численности в стране.

Сверх того, ежели мы обратимся к истории, то увидим, что образование "Великой России" происходило задолго до появления самих русских, и обязано природным географическим факторам, заставлявшим воссоздавать это великое государство каждый раз заново, при меняющихся ведущих нациях, но в том же качестве – союза народов и, приблизительно, в тех же объемах. Будь то монгольская империя, а задолго до того – скифское государство, еще три тысячи лет назад простершееся от пустыни Гоби в Монголии до Днестра на Западе и территории нынешней Эстонии на северо-западе, где находятся скифские могильники, изглаженные протекшими тысячелетиями.

Образование нашего государства вызвано в основном потребностями движения (торгового и военного) через Евразию, от Китая до Европы, по Великому шелковому пути, который, естественно, мог функционировать только будучи целиком в составе единого государства. А граница с западно-европейским миром у нас, во-первых, опять же природная, климатическая: отрицательная изотерма января. Благодаря отсутствию "поперечных" гор, загораживающих холод Арктики, у нас климат континентальный, требующий особого ведения хозяйства. Во-вторых, религиозная:

рубеж православия и католичества. И в третьих, племенная, отделяющая восточных славян от западных.

Надо еще раз подчеркнуть, что границы Великой России, как они сложились к середине XIX столетия, по сути прочерчены еще монголами в начале XIII столетия. Это улус Джучи и Батые. И наша граница в Азии и на Кавказе повторяла старые границы "Золотой Орды".

Великий шелковый путь или дорога народов с XVII века, для своего успешного функционирования, потребовал выходов к морям, что и обусловило наши войны в Прибалтике, со шведами, на Черном море с турками за Новороссию и Крым, и на Дальнем Востоке. Курилы – это выход России в Тихий океан.

Именно потому, что Россия занимает указанную территорию, с одной стороны связывающую, но с другой стороны и как-то разделяющую великие цивилизации, она и является удерживающим началом всего "Старого света".

Мы, разумеется, должны, дабы уцелеть, перестать жертвовать собой в угоду коммунистической химере мирового господства. Мы должны сосредоточить усилия на подъеме благосостояния русского народа, возрождении нашей деревни, церкви, культуры, ликвидации экологического кризиса, охватившего всю страну. Но как раз эти наши усилия по укреплению русского центра и окажутся благодетельными для всех окружающих народов, как входящих в пределы Великой России, так и прилегающих к ней, ибо, повторим, без России и Миру не стоять.

Надо увидеть, наконец, что по отношению к нам со стороны Запада существует "двойной стандарт", что всякие там хельсинские соглашения не про нашу честь писаны, что в какой-то мере также неизбежно, ибо отношения разных суперэтнических систем часто строятся по принципу "кто – кого", со стремлением полностью уничтожить конкурента-противника. Отсюда и людоедские санкции относительно сербов, наших друзей и форпоста православия на Балканах.

Нам надо отрываться от Запада, переходить на отечественные продукты, повернуть поток сырья внутрь России. Продажа сырья – политика. Скажем, мы можем не продавать наше сырье врагам Сербии и т. д. С МВФ надо покончить. Разделаться с долгами и законодательно запретить делать их впредь. Ненавистников и хулителей России надо высылать – каждый должен жить в стране, которую любит! Создать свою валюту и покончить с зависимостью от доллара. Надобно покончить и со стыдным для всякого земледельческого государства завозом продуктов продовольствия. (Заметим, что сверх-населенный Китай ни хлеба, ни риса к себе не

завозит!) И ежели мы, скажем, ввозим те же южные фрукты, сыр и вино, то и вывозить должны нечто сходное: ну, скажем, пшеницу, вологодское масло, меха, кожу, дорогую рыбу... И не губить осетровых плотинами и химией, подымая затем цены на осетрину и икру до немыслимой высоты!

Словом – давайте перестанем быть колонией, и давайте любить нашу Родину действенною любовью: не вздыхать по невозвратному прошлому, а работать на ней, делом доказывая нашу любовь и оставив, наконец, босяцкую надежду, что: "на наш век хватит!" и что, мол, заботиться о земле предков своих зряшное дело: само зарастет!